

Записки о французской революции 1848 года

П. В. Анненков. Парижские письма
Серия "Литературные памятники"
Издание подготовила И. Н. Конобеевская
М., "Наука", 1983
[OCR Бычков М. Н.](#)

....невыразимом вся масса откинулась назад ¹, и крик: "aux armes" {"К оружию".} пронесся по всему Парижу. Люди бежали в беспамятстве, но вопя: "aux armes-trahison... ils veulent la revolution... la revolution... la revolution" {"К оружию... измена... они хотят революции... революция... революция" (*франц.*)}.
А

Несколько человек схватили решеточную дверь нашу в ужасе [невыразимом] неимоверном и требовали, чтоб отперли ее, потрясая ее, между тем, как соломинку, concierge {Консьерж (*франц.*)}, жена его потеряли голову. Отпер посторонний человек. Показались раненые: работник с [разбитым] разрезанным ухом, женщина с простреленной щекой. [Крик] Раздались вопли и крики. За доктором никто не смел выйти, боясь нового залпа. Через четверть часа воцарилась на бульварах мертвая тишина, еще страшнее предшествующей бури, и в довершение картины привезли тележку, положили на нее трех или 4 убитых и при свете факелов, освещавших их окровавленные лица, повезли по городу.

Что династия кончилась, можно судить потому, что [этот] перед этим кортежем из народа [сопровождал} отступил [полсотни] отряд из кирасир [занимавший], занявший улицу la Paix. Кортеж направился к колоссальной Монмартровой баррикаде: она устроена была, как догадываются, радикалами.

Боковой улицей пробрался я к себе домой в 11 часов, еще дрожа от всех этих впечатлений, и никак не мог заснуть: до сна ли было. В доме у нас оказался тоже раненый: лакей с простреленной ногой.

Революция была уже сделана: стоило только дожждаться утра. Куда девались все страшные приготовления 18 лет, сделанные Лудвигом Филиппом. Все рушилось от подлости самих консерваторов, от деморализации войск, от парижского народа, неудержимого, как только раз снял он с себя цепи.

И можно ли вообразить? Гизо в Палате, объявив об увольнении своем, объявил, что до составления нового М<инистерст>ва он восстановит Порядок в городе силой, а "Journal des debats" (последний No монархического журнала "des Debats"), объявляя о возмущении, твердо уверен, что Оно будет подавлено, и занимается, как ни в чем не бывало, разбором заседания Академии наук и книги о [старых] древних костюмах Нормандии, кажется!

ЧЕТВЕРГ

Четверг 24 февраля. День решительный, в половине которого монархия уже не существовала. Революция с этой минуты шла, как искра по труту. В ночь все улицы покрылись баррикадами², и только слышно было стук ломов, падение деревьев, звон железа о камень. В 10 1/2 часов утра король назначил министрами Одиллона Барро и Тьерса {Тьера.} и распустил Палату, но уже поздно. Никто не хотел более этих династических имен³, и я видел бедного Барро на лошади, окруженного малочисленной толпой работников,-- его везли в М<инистерст>во, которым он не управлял. Тьерс был в Тюльери. Национальная гвардия⁴, очнувшись уже поздно от страшного своего промаха, кричала, что все уже кончено, и старалась уверить в этом и самое себя и других. Но в 11 ч. король отказывается от престола в пользу регентства герцогини Орлеанской и права на престол графа Парижского, с передачей всего дела на суд народа, а между 12 и 1 часом он тайком выезжает из Тюльери⁵ с королевой, одной принцессой, двумя внуками, послав сперва герцогиню Орлеанскую с ее детьми в Палату депутатов. И последняя надежда утверждения этого акта Палатой пропала. [В три часа] Между тремя и 4 часами ворвался народ в Палату, и, между тем как Барро отстаивал права графа Парижского, Ламартин протестовал против законности и возможности подобного решения одной Палатой, Кремье и Ледрю-Роллен [объявив] хотели отстаивать права всей Франции на определение формы правительственной, а герцогиня Орлеанская, сидевшая в верхнем [углу]